

Задания для муниципального этапа Всероссийской олимпиады для
школьников по литературе

2019-2020 учебный год

9-10 класс

Задание 1. Творческая работа

Перед вами 2 стихотворения: «Песня пахаря» (1831г.) А.В. Кольцова и фрагмент поэмы С.А. Есенина «Сорокоуст» (1920г.). Какое стихотворение могла бы проиллюстрировать картина К. Малевича «Лошади. Сенокос» (1930г.)? Интерпретируйте смысловое наполнение живописных и литературных образов и обоснуйте выбранное вами соотнесение образов в форме аннотации.

Материал для справки

В стихотворении «Песня пахаря» (1831г.) А.В.Кольцова, поэта, который хорошо знал жизнь народа и не мыслил себя вне жизни народной, показан свободный труженик, плоть от плоти своей земли.

В поэме «Сорокоуст» (1920г.) С.А. Есенин создал образ вымирающей деревни и показал столкновение патриархальной деревни и города. Мертвящий характер механистической силы надвигающейся цивилизационной эры он отразил в образе поезда, а трогательную незащитность природного живого начала в образе жеребёнка.

А.В. Кольцов стихотворение «Песня пахаря»

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.
Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.
Весело я лажу
Борону и соху,

Ну! тащися, сивка!
Выйдет в поле травка -
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.
Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;

Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевой.
С тихой молитвой

Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно из скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.
Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка -

Я вспашу, посею.
Уроди мне, боже,
Хлеб - мое богатство!

26 ноября 1831 Песни

С.А. Есенин отрывок из поэмы «Сорокоуст»

1.....

2.....

3.

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных

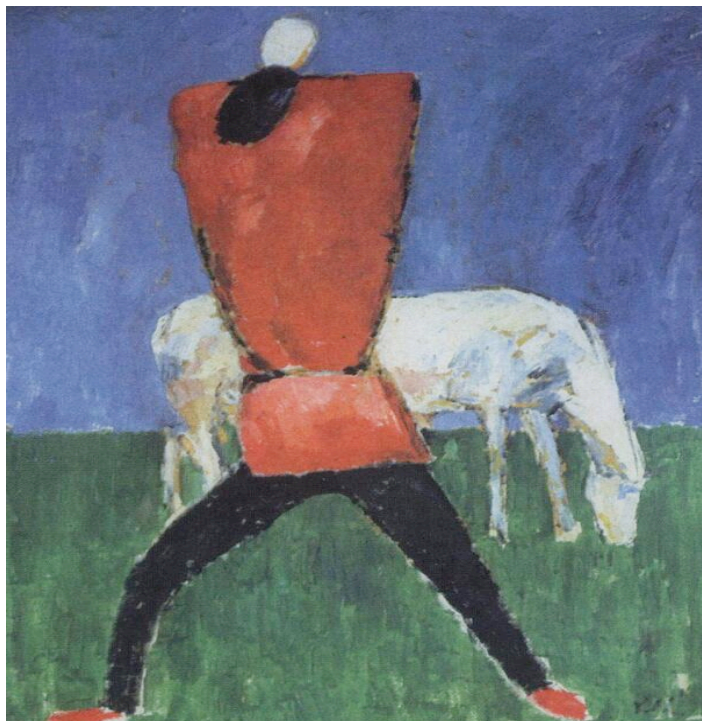
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?

По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

Казимир Малевич (1879-1935гг.).

Казимир Северинович Малевич – создатель уникального художественного мира. Свои полотна он создавал в разных стилях: импрессионизма, алогизма, неопримитивизма. В дальнейшем он разработал принципы техники живописи, которая получила название супрематизм. В картинах определяющую роль играл цвет, абстрактное изображение фигур и геометрические конструкции. Многие картины передавали ощущение сложности, яркости, неоднозначности бытия.

Картина «Лошади. Сенокос» (1930г.)

Задание 2. Аналитическое задание.

Произведите целостный анализ поэтического или прозаического текста.

Комментарий к заданию

Для выполнения задания выберите прозаическое или поэтическое произведение. Внимательно прочитайте его. Самостоятельно определите методы и приёмы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Путь анализа текста должен привести к раскрытию текста как сложно организованного единства элементов, несущих в себе смысл. Целостный анализ текста не требует полного описания всех структурных уровней (от фонетической стороны до раскрытия интертекстуальных связей), важно раскрыть смысл произведения через значимые аспекты его художественной структуры.

Рассказ

Городецкий Сергей Митрофанович (1884-1967)

«Маска»

(из сборника «Страшная усадьба»)

Это было на вечере у знаменитого писателя, и это было с самим знаменитым писателем. Очень долго маски заполняли все комнаты, и зеленую гостиную, и кукушкина цвета столовую, и даже розовый, по прихоти своего владельца, кабинет, и, вероятно, в коридоре жались маски, и на кухню проникали маски: мало ли что кого интересует в квартире знаменитого писателя? И все они были вовсе не театральными, прекрасными и в уродстве и красоте масками, а самыми житейскими, пошлыми, толстыми, потными, назойливыми масками. И потому неприятны были поцелуи, доносившиеся откуда-то из-под рояля, и сплетавшиеся кое-где руки, и торчащие плечи женщин, и мутные у всех глаза.

Если бы сам хозяин не был такого высокого роста, такой рыжей масти и такого ржущего голоса, погиб бы он наверное, как несчастный Лоренцо, чье имя было в то давнее время у всех на устах.

Но, благодаря этим своим качествам, он ловко и сильно пробирался между гостями, затрагивал приятных, щекотал в знак поощрения за ослиным ухом своего издателя, несколько смущенного таким блестящим обществом, ласкал и прижимал к себе свою жену всякий раз, как встречался с ней, и чувствовал себя настоящим хозяином, как чувствует себя хозяин ночлежки над своим пятакковым сбродом.

Кроме своего роста, масти и голоса, он был горд еще своим последним романом, где сложено было в героя немалое количество человеческой пошлости.

Уж такова была страна, что героическое выращивала только пошлость. Иные почвы еще в дремотном состоянии пребывали.

Фамилия героя была откровенной, как и все у этого писателя. Фамилия его была Героев.

Критики уж создали слово «героевщина».

Юные смокинги, изменяя своим невестам, уж говорили про себя:

—Да, я жертва среды! Во мне много героевщины.

Писатель хорошо знал, что он может быть гордым. Еще лучше знали это маски и пресмыкались перед ним, каждая сообразно своему уменью и надетым на себя в этот вечер качествам.

Все было выпито, съедено, спето, станцовано, сказано, оставалось еще попресмыкаться на прощанье. Был это сочельник, и величавую елку обобрали на память до зелени. На каждой маске висело что-нибудь, взятое с елки: чертик, звезда, орден, золото, вата.

—Уходите скорей!— думал хозяин, тоскуя от уверенности, с какой висели шубы в передней.

Скоро должно было светать первым зимним серым светом, от которого далеко еще до белого света.

Произошел как будто бы такой торг:

—Уходите!— еще раз подумал хозяин.

—Мы еще веселиться хотим,— ответили гости.

—Пожалуйста, уходите!

—Хорошо, мы уйдем, только с условием.

—Принимаю.

—Мы уходим, но оставляем одного из нас. Депутата нашего. Душу нашу.

—Зачем?

—Выразить вам наши чувства.

—Растроган и согласен.

И, действительно, как будто заключили такой или подобный торг. Бесшумно дамские ножки нырнули каждая в свою калошу, обмотались шарфы около шей кавалеров, накрылось все шкурами и сукнами и вывалилось все на снег в лапы извозчиков, впуслав свежий холод в нечистое тепло комнат. Долго еще хлопали кожаные рукавицы извозчиков, разбирая кучу.

—Где ж депутат?— недоумевающе ходил писатель по квартире. — Или ничего этого не было?

И он вошел в розовый свой кабинет.

Навстречу ему протянулась рука из-за его письменного стола, с кресла, в котором он сидел обычно, совершенно так же подавая руку посетителям, принимаемым по необходимости.

Лицо сидящего не было видно ясно, и вообще он не бывал виден весь сразу, а поочередно высывалась та или иная часть его тела, в которой являлась надобность. Менялись точно так же его костюмы: рукав протянутой руки был шюртучный, но весь костюм арлекинский, и даже чуть звенели бубенцы. Потом вдруг вырезывалось декольте, и ручка становилась тонкой и томной, но тотчас же все обрастало рыжим волосом, а голос становился неприятно знакомым. Голос менялся, как и все, от дисканта до баса, от девичьего, почти детского, до пьяно-старушечьего, от юношески-восторженного до цинично-стариковского.

—Садитесь!— сказал сидящий писателю.

—Вы депутат?— спросил писатель, невольно садясь в кресло посетителей.

—А вы не узнаете меня?— спросил сидящий каким-то очень сложным голосом, как аккорд всех клавишей фортепьяно. Услышал в нем писатель и ноту давнего своего детства, и лет скитания, и первой любви и первого разврата, и еще целый сонм голосов, слышанных не то наяву, не то во сне.

— Кто вы?— спросил он серьезно.

— Ха-хи, ха-хи!— раздался ему в ответ кашляющий смех, и он с ужасом увидел перед собой Мери Омутовскую, героиню старого своего романа. Она обмахивалась веером. Она состарилась. Но скверная ее красота была во всей еще силе. Но в ее лице он видел свое лицо, свое молодое лицо, каким оно было тогда, когда он писал этот роман.

— Кто вы?— переспросил он тише.

— Вот так, вот так!— защелкал бичом педагог одного рассказа и, защемленные невидимыми коленками, закричали дети. И нестареющее еще лицо писателя смотрело на него самого из морщин и складок педагогической рожи.

И он уж не спрашивал в третий раз: «Кто вы?», а только смотрел жадными глазами, как менялись перед ним видения то живых людей, то созданных им образов, то сегодняшних грубоощутимых масок, то промелькнувших некогда в сознании обликов.

И во всех видениях неизменно явным было его собственное лицо.

В бесконечную пытку грозило обратиться это мелькание, и, вскочив, он бросил тяжелым, темным колоколом, моделью кремлевского Царя-колокола, в то место, где являлись призраки.

С тяжким звоном упал колокол, подзванивая осколками.

Теперь по обе стороны стола сидел он сам, знаменитый писатель, и протягивались, две его руки к двум его телам, показывая:

—Садитесь!

Это было лучше, и можно было минутами себя обманывать, что сидишь не на месте посетителей и видишь перед собой очень похожего на тебя человека.

При некотором же усилии можно было просто думать, что разговариваешь с самим собой в полном одиночестве.

—Итак, вы душа моих гостей?

—Я душа ваших гостей. Только давайте говорить на «ты».

—Ты душа моих сегодняшних гостей?

—Я душа всех твоих гостей.

—И моих творений?

—И твоих творений.

—И, значит, ты моя душа?

—Я твоя душа. Только давай говорить на «я».

—Я моя душа?

—Я моя душа.

—Моя душа — мои творения?

Моя душа — мои творения.

—Моя душа — мои гости?

—Моя душа — мои гости.

—Я — мои гости?

—Я — мои гости.

—Это невыносимо.

—Выношу.

—Я не могу жить больше.

—Живу.

—Я не напишу ни строки больше.

—Напишу.

—Я ухожу!

—Ухожу.

Когда жена, кончив предутренние распоряжения, вошла к нему в кабинет, писатель стоял у двери, комкая в руках чью-то визитную карточку. Напряженное лицо его было бледно, и чего-то никак не могла сообразить его гордость.

—Что это?— спросила жена.

И, переняв карточку, она прочла:

Герой Героевич Героев.

А на другой ее стороне имя, отчество и фамилию своего мужа.

—Какая глупая шутка!— сказала жена.— Кто это тебе дал?

—Не знаю.

—А с кем ты прощался последним?

—Не помню.

—Вот что значит устраивать маскарады!

И она досадливо хотела разорвать карточку, но писатель удержал ее и сказал для нее загадочно:

—Не мы устроили этот маскарад.

Впрочем, ее уж отвлекла новая дерзость масок: разбитый вдребезги колокол, точная модель кремлевского Царя-колокола.

1909г.

Опорные вопросы

1. Что подразумевали критики, когда создали понятие «героевщина»?
2. Кто явился в сочельник в гости к известному писателю?
3. Кто из масок прятался в кабинете Героева?
4. Почему маска считала себя «душой всех его гостей»?
5. Как вы понимаете слова «героическое выращивала только пошлость»?
6. Прокомментируйте диалог писателя и маски.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884-1967) — русский поэт, писатель, переводчик, педагог. В литературной жизни начала XX века играл видную роль. Как литератор владел всем арсеналом культуры. Был близок к символистам, его стиль – сочетание символистских образов и фольклорных традиций. Позже был одним из организаторов «Цеха поэтов», симпатизировал «новым крестьянским поэтам». В поэзии использовал языческие мотивы, словарь языческой мифологии. На страницы прозаических произведений переносил живой дух времени. В традиционные сюжеты вносил ноту оригинального звучания. Проза Городецкого отличается психологизмом, многие произведения тяготеют к документалистике и очерковости.

Стихотворение

Айги Г. В декабрьской ночи

В страхе
как будто в декабрьской ночи
самоосвещаются
в е щ и
д у ш и
и как говорим «тупики» и «дома» и «туннели»
определяю я это немногое —
когда повторяю:
что общность избравших друг друга
совместность их нищенская —
как разрешенная по недосмотру!
но неотменима
что ежедневно обязан художник
знать о силе и времени смерти
и знать потому: что для правды
не хватит и всей его жизни
что можно быть светлым всегда — о хотя бы от боли!—
когда эта боль — словно заданная
неотличима от веры
что — как
говорящие — теплятся
в е щ и
д у ш и
в страхе — как в зимней ночи
всю полноту образуя
необходимого ныне терпения
1957г.

Опорные вопросы

1. Какое решение получает в стихотворении Г Айги тема поэта и поэзии?
2. Можно ли согласиться с философами, утверждавшими, что русская литература – это философия ночи, раскрывающая тёмную сторону души? Почему боль художника – это условие просветления?
3. Считают, что Г. Айги – создатель мира, «удерживающего пространство мысли» (Т. Данильянц) Согласны ли вы с этим, докажете.
4. Как в поэзии Айги соединились архетип народного сознания и авангард?

Айги Геннадий Николаевич (1934-2006) – русский чувашский поэт, выдающийся литературный деятель. Поэзия связана как с фольклорной традицией чувашского народа, так и с классической. Сохранив верность почвенничеству (народности), он вошёл в контекст мировой литературы. В необычайной поэтической манере сочетаются авангард и традиционность, черты разных форм поэзии, живописи и музыки. Его поэзия отличается множеством смысловых связей, ассоциативных образов, мыслей и чувств. Позиция поэта – это защита собственной души от многих тираний, в том числе тирании масскультуры.

